

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

№18 (2003-05-13)

Почему Малевич?

Владимир Надеин

Если бы в послереволюционной России действовали нынешние запреты, мир так и не оценил бы Казимира Малевича

Мне повезло. В двух последних зарубежных поездках первым меня встречал Казимир Малевич. Конечно, не сам – но его имя и образ.

В Берлине огромные плакаты с именем великого русского художника каждые десять шагов свисали по огромному кольцу аэропорта. В нью-йоркском аэропорту реклама смотрелась поскромнее, но тоже впечатляла.

Так перешагивала океаны выставка, с которой в Нью-Йорке начинался русский фестиваль, а в Германии – Русский год.

Но почему именно с Малевича? Мало ли у нас потрясающих художников? Но чем дальше, тем больше – все Малевич да Малевич.

Один из ответов подсказывают недавние события вокруг самой знаменитой картины К. С. Малевича. Речь о «Черном квадрате». Могучий холдинг «Интеррос» не пожалел миллиона долларов, чтобы знаменитый «Черный квадрат» не уплыл за границу, а остался в родном «Эрмитаже».

Но куда бы ему плыть из нашей колеи? Частное имущество – дело святое. Но стоит Министерству культуры объявить любую акварель «национальным достоянием» – и тогда продавай кому хочешь, но за рубеж не вывози. Это сразу отталкивает зарубежных богачей. А продать знаковую картину Малевича по реальной цене внутри России просто невозможно.

А может, оно и хорошо, что невозможно? А если хорошо, то – кому?

Для знатоков не секрет, что «Интеррос» заплатил за «Черный квадрат» не миллион долларов, а всего-навсего миллион долларов. Реальную цену всего точнее можно бы определить, скажем, на лондонском аукционе «Сотбис». Но и так ясно, что всемирно прославленный «Черный квадрат» стоит, по крайней мере, вдесятеро дороже.

Ясно и то, что на лондонских торгах, если бы таковые состоялись, агент «Интерроса» вряд ли позволил бы втянуть себя в азартную гонку. «Черный квадрат», несомненно, достался бы какому-нибудь зарубежному музею или частному ценителю искусств.

Картина «Черный квадрат» была гордостью «Инкомбанка». Но пришел 1998 год, и банк рухнул под невзгодами дефолта. Вкладчики «Инкомбанка» потерпели жестокий урон. Многие лишились всех своих сбережений. Реализация собственности «Инкомбанка» лишь частично возместила их тяжелые потери.

В этих условиях решение ликвидационной администрации стало дополнительным ударом для разорившихся инвесторов. Если «Интеррос» осуществил блистательную сделку, жертвуя «всего лишь» миллионом, но и получая бурные овации общественности, то «Инкомбанк», и без того несчастный, остался вовсе без лавров, хотя положил на алтарь отечественного искусства не миллион, а в десять раз больше.

Истоки этой разорительной для «Инкомбанка» операции следует искать в устоявшейся логике любого коллекционирования. Его целью, уходящей в бесконечность, является сосредоточение в одних руках всего, что было избрано предметом собирательства. Отражением этой страсти стали законы ряда стран, контролирующие перемещение художественных ценностей через границу.

Огромные потери людей, которые доверили свои сбережения «Инкомбанку», а взамен не получили даже мало-мальски справедливой доли своей собственности, наверное, были бы оправданы, если бы жертва была востребована искусством. Но логика коллекционирования российских работ исключительно в России не выдерживает критики.

Наши Эрмитаж, Третьяковка, американская Национальная галерея, все великие музеи мира просто не состоялись бы без свободы приобретения и вывоза художественных ценностей. А уж Малевич! Отдавая почтительную дань его великому таланту, надо признать, что огромным шагом навстречу всемирному признанию была, если хотите, жуткая беспечность самого художника.

В 1927 году Казимир Малевич, незадолго до того переживший драму насильственного закрытия руководимого им института, осуществил поездку в Польшу и Германию. В Германии он оставил на произвол судьбы около сотни своих живописных работ, много рисунков, рукописи статей.

Эта поездка уже давно исследована и описана до мелочей. Вопреки намерениям художник больше не смог добиться разрешения на выезд. Его творчество после смерти мастера в 1935 году само пробило брешь в стене молчания, возведенной вокруг него на родине.

Государственный Русский музей Санкт-Петербурга, где Малевич работал последние годы своей жизни на нищенском жалованье, обладает самым полным собранием его творческого наследия. Культурная ценность этого наследия необозрима, рыночная стоимость его измеряется огромными суммами. Очевидно, что именно новаторский талант Малевича вознес его на олимп. Однако было бы явным лицемерием отказывать зарубежным музеям в их великой заслуге: открытии Малевича для мира.

Родина художника участия в этом не принимала. Полвека в стране не проводились выставки Малевича. Полвека его творения не покидали подвальных запасников. Два издания Большой Советской Энциклопедии не нашли строчки для его имени. У России нет заслуги в том, что мировая слава ее великого сына неудержимо росла.

Четкая, доказуемая правда состоит в том, что без постоянных музейных экспозиций в Америке и Голландии, в Германии и Японии собрание Малевича в Русском музее ценилось бы сегодня в треть, а то и в десятую долю нынешней стоимости.

Если представить на миг, что Малевичу не удалась бы его единственная зарубежная поездка, а сам художник не рискнул оставить свои работы на сохранение случайным знакомым... Если вообразить, что мечта, воплощенная в ныне действующих российских законах, еще в 1927 году воплотилась в жизнь, а Русский музей сегодня был бы монопольным владельцем «всего Малевича», то последствия этого были бы ужасны.

Попросту говоря, если бы Малевичу запретили вывезти его картины за границу, то сегодня в таком запрете, возможно, не было бы нужды.

К счастью, сам художник не был подвержен мании складывать все в одну кучку. Его позиция, донесенная до нас друзьями и наследниками мастера, не оставляет сомнений. Не проклятий, но низкого поклона удостоились бы нью-йоркский Музей современного искусства (МОМА), амстердамский городской музей «Стеделик», галерея «Гмуржинска» из швейцарского города Цуг, владельцы частных галерей, воздавшие великому новатору то, чего его так долго лишала родина.

Сегодня Малевичем гордятся в России почти как в Германии. Книжек о нем выходит почти столько же. Выставок немногим меньше. Музеев, правда, нет. Его любимая Немчиновка уже не милое захолустье, а фактически Москва – только преодолей Московскую кольцевую. А дом, место создания многих шедевров, по-прежнему не музей, а частное жилье.

Хотелось бы вовсе избавиться от этих «почти», но уж и то радуется, что с прежним отношением к Малевичу не сравнить.

И от этого «не сравнить» рождается иллюзия, будто государство уже очистилось от идеологической опричнины и потому вправе приумножать культурные богатства

запретами на вывоз и ограничениями на ввоз. Будто мы оказали милость, отпустив несколько «малевичей» на выставку в Берлин, а не берлинский «Гуггенхайм», нью-йоркский МОМА, голландский «Стеделик» и «Гмуржинска» из Цуга возвышают Россию, восторгаясь ее гением и участь у него.

Выставки, подобные той, что вот уже полгода радует европейцев и американцев, обогащают Россию не только морально. Слава Малевича способствовала резкой капитализации Русского музея, Самарского, Екатеринбургского, Третьяковки и других галерей.

Резко ограничивая, фактически запрещая продажу за границу художественных ценностей, принадлежащих частным лицам, наши законы заталкивают и наши музеи, и наших художников, и наших меценатов в темные закоулки мировой цивилизации. Это отлично понимают профессионалы из Министерства культуры. Но они не смеют открыто выступить против невежества масс, воспитанных на том, что «искусство принадлежит народу».

А когда осмеливаются, крайне редко и робко, то натываются на прокурорские кулаки и вонь самогонного патриотизма.

Приобретя 10 миллионов за один миллион, холдинг «Интеррос» сделал доброе дело, уже воспетое всеми СМИ. Обвинять хорошего финансиста в том, что он хороший финансист, просто глупо. Бизнесмен не должен расставаться с арифмометром.

Но если речь о патриотизме, то и тут арифмометр не лишний. И если не манипулировать с ним, то итог всплывает в окошке с неопровержимой четкостью.

Итог таков: вкладчики разорившегося банка лишились по крайней мере девяти миллионов долларов, которые им по праву принадлежали. А день, когда окрепшая Россия сможет, как в давние царские времена, покупать в Европе новые шедевры, отдалится. «Черный квадрат» прославлял бы Россию не только со стены Эрмитажа, но и в Париже, Сан-Франциско или даже из частной виллы, если бы условием продажи было предоставление картины для публичных выставок.

Выставка Казимира Малевича в августе переедет в Техас, родной штат нынешнего президента США. Супрематизм Малевича, как обычно, постелет соломки для скользкой дипломатии. Уж сколько потеплений начиналось с другой стороны – с пинг-понга, стыковки, борцовского ковра...

У нас начинается с Малевича. Но почему именно с него? Не потому ли, что в далеком 1927-м он взял сотню своих работ и «переместил их через границу»?

Хорошо, что это случилось так давно. Сегодня бы его посадили в тюрьму. Впрочем, и тогда, сразу по возвращении из Берлина, его посадили. Правда, всего на три недели. Сегодня бы он так легко не отделался.

<http://www.mn.ru/issue.php?2003-18-49>